

АВТОРСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОБСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ МУСЫ ЭЛЬМУРЗАЕВИЧА БЕКСУЛТАНОВА

Килабова Марет Ароновна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный педагогический университет»
ganaeva86@mail.ru

THE AUTHOR'S CHARACTERISTIC OF THE CHECHEN WRITER MUSA ELMURZAEVICH BEKSULTANOV'S LITERARY AND ESTHETIC CONCEPT AND CREATIVE IDENTITY

M. Kilabova

Summary. The article considers the author's characteristic of the Chechen writer M. Beksultanov's literary and esthetic concept and creative identity in literary and journalistic activity, it aims to point out the analysis of his own understanding of specifics of reflection in his creativity of the moral, philosophical, art and esthetic perspective.

It notes the gravity and depth of his ideological and esthetic concept which is based, mainly, on traditional moral and ethical, cultural, art and esthetic values, and at the same time, actively perceiving and reflecting the modern features, in particular, the existential understanding of tasks of art and the artist, the stream of consciousness technique literature.

In the article M. Beksultanov's interest not only to ethnic, but also to universal problems is emphasized, the conclusion about the importance of research of issues of metapoetics for the creative state of the writer is drawn.

Keywords: metapoetik, literary-critical articles, moral, philosophical and art search, interview, concept of literary and art anthropology.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности авторской характеристики собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности в литературно-публицистической и эссеистической деятельности чеченского писателя М. Бексултанова, ставится цель анализа его понимания специфики отражения в своем творчестве духовно-нравственной, философской, художественно-эстетической проблематики.

Отмечается серьезность и глубина его идейно-эстетической концепции, основывающейся, по преимуществу, на традиционных морально-этических, духовных и художественно-эстетических ценностях, и одновременно, активно воспринимающей и транслирующей черты современности, в частности, экзистенциального понимания задач искусства и художника, литературы потока сознания.

Подчеркивается интерес М. Бексултанова не только к этническому, но и общечеловеческому, делается вывод о значимости исследования вопросов метапоэтики для творческого состояния писателя.

Ключевые слова: метапоэтика, литературно-критические статьи, духовно-философские и художественные поиски, интервью, концепция литературно-художественной антропологии.

Муса Эльмурзаевич Бексултанов в настоящее время принадлежит к числу наиболее известных, самобытных писателей Чечни и всего Северного Кавказа, отличающихся «лица необщим выраженьем» (Е. Баратынский). Действительно, исследователи отмечают, что «творчество М. Бексултанова — уникальное явление в чеченской литературе... Причина, вероятно, заключается в особом философском взгляде писателя на мир, его неповторимой творческой манере. В нем видят прежде всего блестящего стилиста, тонко чувствующего родной язык и владеющего им в совершенстве» [3, с. 39].

Вошедший в литературу на рубеже 1970–80-х годов, он вошел в так называемую «новую волну» начинающих писателей, тогда еще студентов и выпускников филологическо-

го факультета Чеченского государственного университета, к которой принадлежали многие, ставшие в дальнейшем совестью и цветом национальной литературы, писатели, такие, как Муса Ахмадов, Леча Абдулаев, Муса Бексултанов, Юсуп Яралиев, Бана Гайтукаева, Абу Исмаилов, Апти Бисултанов, Имран Джанаралиев, Шарип Цуруев, Таус Исаев, Маадула Завриев, Анзор Давлетукаев, Лула Жумалаева, Леча Ясаев, Саид-Хасан Тагаев.

В их творчестве с самого начала преобладают нетривиальные для чеченской литературы и одновременно общие и характерные для отдельных творческих исканий всей многонациональной страны этого периода духовно-философские и художественные поиски, ситуации и решения, построенные на непривычных для официальной предше-

ствующей и тогдашней идеологии своего рода импрессионистической (и не столько в изобразительном плане) основе, нравственно-психологических полутонах, игре света и тени, преобладании лирического (в том числе и в прозе) осмысления происходящего [4].

Мусе Бексултанову принадлежит большое количество прозаических произведений, по преимуществу повестей и рассказов, новеллистика, автобиографическая проза «Далекие берега реки жизни», а также большой, интересный и очень содержательный пласт его «внехудожественной» прозы, включающий в себя эссеистику, автобиографические заметки, различные формы его публицистики — очерки, интервью, диалоги, участие в работе «круглых столов» по различным актуальным проблемам современного литературного развития, духовной и культурной политики Чеченской республики.

Необходимо отметить, что в такого рода его творчестве наблюдаются взаимопереходные формы, различные степени градации текста от художественного до документального и научно-публицистического дискурса. В подобных зачастую полемических материалах (как созданных для публикаций в республиканских литературно-художественных и литературно-критических журналах, так и произнесенных им для местных СМИ, как печатных, так и аудиовизуальных), Муса Бексултанов актуализирует большое количество разнообразных проблем.

К числу этих проблем относятся, например, такие, как вопросы развития жанра литературной автобиографии в контексте истории его собственного рода, жизненного и творческого пути; тесно связанные с этой смысловой и содержательной линией разнообразные проблемы художественного творчества и писательского труда в публицистической эссеистике Мусы Бексултанова, авторская характеристика собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности.

Помимо этого писателя глубоко волнует и является ведущей смысловой доминантой его публицистического (как и художественного) дискурса триада «Родной язык — этнос — национальное сознание — национальная идентичность», решаемые через вопросы образования и воспитания как в семье, в системе образования, так и посредством высокой и ответственной миссии художественного творчества, писательского труда, множественные актуальные проблемы современного литературного и литературно-критического развития Чечни.

Писатель всегда был и остается страстным и неравнодушным к проблемам и тревогам мира человеком и писателем. В одном из своих знаковых интервью под названием «Я бы не хотел быть никем другим...» [2], данном Исе Закриеву по поводу собственного 60-летия в июле 2014 года, пи-

сатель прибегает к нечасто встречающемуся в его текстах легкому (и достаточно серьезному) юмору.

С парадоксальной шуткой он замечает, что «пока твердость искусства прозы побеждает меня, чем больше я узнаю, тем больше тайн обнаруживается в ее написании. Я борюсь с ним вот уже 40 лет, пытаюсь укротить его...» [1]. Каждое интервью Мусы Бексултанова — это своего рода исповедь. Писатель нигде не склонен к лукавству, демагогии, двуличию, лицемерию, двойным стандартам. Он глубоко искренен и честен перед читателем, но прежде всего перед самим собой. Много внимания в своей эссеистике писатель уделяет проблемам метапоэтики, то есть собственного анализа и осмысления своего творчества, оставаясь на проблемах художественного замысла, его осуществления, проблемах литературных связей и влияний, нравственного выбора, «разногласия» конфликтов, сюжетов, образов и характеров.

Мусе Бексултанову присуща оригинальная концепция литературно-художественной антропологии. Так, например, о некоторых исключительных своих героях, не похожих на рядовых обывателей, писатель говорит, что ему и в низачастую «не хватает таких людей в современном мире, людей, способных быть верными своему слову». [1]. И вновь, возвращаясь к теме персонажей, являющихся носителями лучших качеств национального народного характера, писатель поясняет, что они — не плод его фантазии, это люди реальные, «жившие среди нас чуть раньше или чуть позже». В своих воззрениях Муса Бексултанов является тем, что носит не самое популярное в наше время наименование — истинный патриот.

В своих мемуарных высказываниях он постоянно указывает на то, что о героях народных преданий Торге и Овтархан Юсупе ему рассказывал его отец, о Кериме — другие реальные, близкие ему люди, что, по его мнению, очень важно. Писатель делает акцент именно на тех духовно-нравственных ценностях и приоритетах народа и этноса, которые считает наиболее значимыми: «Это были люди, которые отвечали на любые вопросы, поставленные временем или ситуацией, тут же, не задумываясь... именно благодаря им о народе узнают за пределами родной земли» [1]. И далее писатель называет (и не случайно именно в чеченской транскрипции) имена тех национальных героев, чьи образы стали легендарными в качестве носителей лучших свойств нации — Адин Сурхо, Мадин Жаммирза, Таймин Биболат, Харачойн Зеламха, АхматханИча, Зокин-Хази, Тюшан Воварга, Дерказан Джокал... [1].

На вопрос о любимом герое, как о любимом ребенке в семье, писатель обоснованно отвечает, что каждый герой его рассказа — «это я, герой, которого я создаю в поисках себя...». Действительно, категории абсолютного или относительного автобиографизма являются определяющими

для индивидуально-авторского личностного подхода писателя к художественному постижению, осмыслению и исследованию объективной реальности.

Сложности в создании объективных образов другого рода героев (рассказы «Кастом», «Премии», «Папка») писатель объясняет тем, что они «не похожи на меня, у нас разные характеры, мироощущение, но им не нужен другой характер для себя, они довольны собой, равно, как и те, что притесняют их. Они мыслят узко, невысоко, и мои требования взлететь к ним бессмысленны и неоправданны. Моя задача как писателя — запечатлеть и показать их» [1].

Во многих рассказах писателя («Кхерч» (Очаг), «Ас муха ларде-кх шу лазамах» («Как мне уберечь вас от боли» и других) все сильнее, интенсивнее, напряженнее и откровеннее показана такая форма современной чеченской семьи, которая коренным образом отличается от традиционной чеченской семьи. Главную причину этой перемены писатель видит в том, «что мужчина не выполняет свои обязанности как главы семьи ... по мнению писателя, «все это восходит к тем материальным ценностям, которые стали для нас важнее духовных» [1].

Муса Бексултанов остро чувствует и переживает по поводу того, что общество потребления, культ «золотого тельца», карьерного роста, борьба любой ценой за «место под солнцем» приводит человека и общество к утрате традиционных духовно-нравственных, культурно-исторических, художественно-эстетических ценностей, потере высоких целей и намерений, художественного вкуса. На вопрос «должен ли писатель быть богатым?» Муса Бексултанов отвечает достойно, конкретно, глубоко по-человечески: с одной стороны — по бытовому, с другой стороны, образно и высоко бытийно — «для настоящего писателя, уместившего Отчизну и народ на кончике пера, не понятно, зачем нужны эти особняки и дорогая мебель в них, ему хватает пищи на поддержание своего здоровья и небольшого домика, главное, чтобы крыша не протекала» [1].

В то же время писатель дает настоящую отповедь принципам общества потребления, определенно и четко осуждая то, что «примером для нас стали европейские ценности, а свой, дедовский, стиль жизни нами отклонен. Поэтому воспитание в семьях ослабло, пошло не в ту сторону» [1]. Здесь ему оказывается ближе иной, более близкий и в пространственном отношении менталитет, поскольку именно «русский менталитет выгодно отличается от западного там, где речь идет о самопожертвовании и самоотречении личности, озабоченной интересами страны, нации, человечества» [5, с. 14].

Главным своим «богатством» в этом мире писатель считает свое творчество, которое живет с ним сегодня и останется после него. С горечью и национальной самокритично-

стью писатель вновь и вновь констатирует: «... мы — народ, не особо ценящий литературу и другие направления искусства. У нас уважают только деятельных, энергичных дельцов с тугим кошельком. Даже твои родственники с усмешкой воспринимают твоё творчество, словно говоря: «Кому нужна его писанина?» Имеется в виду, что никаких богатств не накопил, и его уважать-то не за что» [1]. При этом писатель всегда остается гуманистом, с любовью и болью относящимся к человеку. Для Мусы Бексултанова очень важно то, «душа и мысль художника должны быть свободны».

В своих воззрениях писатель является тем, что носит не самое популярное в наше время наименование — истинный патриот своего отчества. При этом его мировоззрение не отличается замкнутостью, изоляционизмом, оно широко открыто миру. Так, Муса Бексултанов в поиске своих истоков и одновременно в попытке самоидентификации постоянно обращается к опыту своих великих предшественников из других времен и народов, а именно, поясняет, что значит для него понятие «собственный стиль», «собственный ритм» по отношению к творчеству любого писателя, скажем, к творчеству И. А. Бунина. Муса Бексултанов судит о литературных произведениях, об индивидуальной манере каждого писателя очень глубоко и тонко, давая собственную интерпретацию произведений других авторов, выступая взыскательным и высоко профессиональным критиком и одновременно оставаясь большим художником, в концепции которого гармонично сочетаются эмоциональное и рациональное, образ и понятие.

Так, по его мнению, произведения И. А. Бунина создают «щемящую тоску по гармонии или саму гармонию» [1], в его произведениях автор, герой и природа сливаются воедино. Произведения же Э. Хемингуэя он образно уподобляет «каменной кладке истинного мастера, где нет места даже мельчайшей неровности, тяжелые, как свинец, слова подобраны самым тщательным образом, размещены в нужном порядке, сплетены, как красивая тугая девичья коса, и говорят читателю больше своим подтекстом, междустрочьем» [1].

Говоря о привлекательных чертах своего народа, Муса Бексултанов отмечает, прежде всего, «неприятие космополитизма, что бы ни случилось, они никогда добровольно не покидали Отчизну. Сейчас наблюдается иная картина, увеличивается процент людей, готовых обменять родину на бесплатную еду. В горе и в радости чеченцы помогают друг другу, берут часть хлопот на себя, и это хорошо, хотя в последнее время и в этом наметилась приверженность к показушности» [1].

Как отрицательные качества нового времени писатель отметил «ослабление уважения друг к другу, очерствение, стремление в богатстве превзойти даже родного брата» [1].

В качестве принципов отбора материала для художественного исследования мира и человека Муса Бексултанов руководствуется диалектическим подходом: «Добро и зло ходят рядом, одно без другого безлико. Писатель должен говорить обо всем, опуская только нюансы, не соответствующие ментальности. Извращения в действиях людей хотя и встречаются, но они редки, а исключения не могут рассматриваться как нрав народа» [1]. Именно с этих позиций писатель рассматривает и собственные духовно-нравственные ориентиры: «– Твои ошибки — твои победы, твои грехи — твои недостатки. Не ошибается тот, кто ничего не ищет, не встает тот, кто не падал никогда» [1].

Вопросы литературной преемственности Муса Бексултанов рассматривает и в противоположном ключе, в плане их своего рода зеркального отражения, своеобразного приложения и применения некоей собственной своеобразной «теории относительности», обращенной уже не к прошлому, а к будущему: «Наши произведения будут нужны, скажем, через сто лет, для того, чтобы наши потомки могли рассуждать о наших нравах, чтобы понять образ жизни 1970–2030 годов. Но как литература и герои вряд ли будут интересны, потому что время и люди меняются очень быстро. Не прошло и 25 лет, как не стало страны Советов, но современная молодежь не знает героев произведений тех времен, им незнакомы слова «комсомол», «партия», «обком». А за сто лет сменятся три поколения...» [1].

Писателю принадлежит по-философски мудрое, идущее от народного мирозерцания и мировоззрения, осмысление идеи генетической и культурной преемственности: «Наши предки не торопили время, в их головах было всего несколько важных дел: весной засеять землю, летом накосить сена, осенью собрать урожай. А мы спешим, спешим умереть. Больше прожил тот, кто мало видел и мало спешил» [1]. В этих словах — высокая оценка мудрости и целесообразности, и одновременно — несказанной ясности и простоты существования предков.

Из различных типов и видов кросскультурных и литературных связей и влияний писатель в своем творчестве, естественно, не прибегает к таким формам, как заимствование, подражание, стилизация. Вместе с тем в его прозе актуальны более скрытые, суггестивные формы данных влияний, такие, как, например, аллюзии, реминисценции, различные ассоциативные моменты.

Даже понятие эталона красоты он рассматривает в контексте каждой эпохи, каждого конкретного этнического и индивидуально-личностного пространства. «Красота, признанная всеми, становится мерилем и распространяется по всему миру. Это есть общепризнанная красота. Но есть красота, которая понятна одному человеку, его критерии продиктованы его внутренним миром, и он не может объяснить передать ее силу другим. Но каждый мимолетный взгляд девушки, брошенный через плечо, легкое движение рукой, едва заметная улыбка, пробежавшая по губам, понятны ему, но он не знает, почему все так легко понимается, в то время как другие ничего уловить не могут. О красоте невозможно рассказать, ее можно чувствовать, иначе это не красота» [1]. И сам писатель в своей прозе, несомненно, обладает именно таким «бинокулярным» зрением поэта и художника, наиболее зорко и остро видящего и воссоздающего реальный мир.

Таким образом, мысли писателя, касающиеся его авторской позиции, творческой индивидуальности, прямо и непосредственно высказанные в его художественной публицистике и эссеистике, проливают свет на многие стороны и яркие особенности его дарования, особенности его гражданской, философской, этической, литературно-эстетической концепции, создают (и одновременно «осознают») то культурное поле, которое окружает писателя и его творчество на протяжении уже более сорока лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закриев И. Я бы не хотел быть никем другим: Интервью с М. Бексултановым [Электронный ресурс] / И. Закриев — 3.07.2014. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/BeksultanovMusa/posts/660490577376309>
2. Закриев И. Я бы не хотел быть никем другим: Интервью с М. Бексултановым [Электронный ресурс] / И. Закриев — 1.07.2014. — <http://vesti95.ru/2014/07/ya-by-ne-hotel-byt-nikem-drugim/>
3. Исмаилова М. В., Багае в З. А. Поэтика прозы М. Бексултанова (философия символа) // Россия и Кавказ в пространстве единой Державы: материалы Международной научно-практической конференции. — Краснодар, КСЭИ, 2014. — 314 с. 39–45.
4. Татаева Р. Б. Своеобразие авторской концепции в осмыслении исторических проблем в русскоязычной чеченской прозе 20–90 гг. XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Б. Татаева. — Махачкала, 2011. — 24 с.
5. Хорольский В. В. Культурологический метод изучения публицистического дискурса / В. В. Хорольский // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2001. — № 3–4. — С. 13–21.

© Килабова Марет Ароновна (ganaeva86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»